

Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М. : Сов. энциклопедия, 1981.

Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова. М. ; Л. : Наука, 1964.

Плаксин В. Т. Сочинения Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002. С. 162-181.

Ростопчина Е. П. Из письма к Александру Дюма // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М. : Худож. лит., 1989. С. 358-364.

Удодов Б. Т. М. Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1973.

Фишер В. М. Поэтика Лермонтова // Венюк М. Ю. Лермонтову : юбилейный сборник. М.; Пг.: Издание Т-ва «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 196-236.

Фохт У. Р. Лермонтов. Логика творчества. М.: Наука, 1975.

Эйхенбаум Б. М. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. Л. : Гос. изд-во, 1924.

Эйхенбаум Б. М. Литературная позиция Лермонтова // Литературное наследство. М. : Изд-во АН СССР, 1941. – Т. 43-44. М. Ю. Лермонтов. I. С. 3-82.

*Шипицина Я. А., Екатеринбург
(науч. рук. – Соболева Л. С.)*

**Инициатива антропологии в романах Д. Н. Мамина-Сибиряка:
типы и функции**

Shipitsina Y. A

**.Initiative anthroponymics in the novels of D. N. Mamin-Sibiryak:
types and functions**

Предлагаемая статья посвящена антропонимике художественного текста. В ней обозначается значимость имени собственного, как составляющего элемента художественного произведения. Рассматривается типология собственных имен – предлагается ряд классификаций, и их функции на материале романов уральского цикла Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Ключевые слова: *имя собственное в художественном тексте, литературная антропонимика, творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка, типология антропонимов, функция антропонима.*

The article is devoted to the anthroponymics of a literary text. It denotes the significance of a personal name as a constituting part of a fiction. In this work the typology of personal names is considered and it represents an attempt to perform a number of classifications and functions of these names on the basis of the novels of the Ural cycle of D.N. Mamin-Sibiryak.

Keywords: *personal name in literary text, literary anthroponymics, D.N. Mamin-Sibiryak's work, typology of anthroponyms, function of anthroponym.*

Имена собственные в языке и речи представляют собой большой интерес для исследования в самых различных аспектах. Проблематика научных трудов об имени собственном включает в себя вопросы о лексическом значении имен собственных, этимологии, стилистическом потенциале, взаимосвязи имени и культуры общества [Вышенская 2001: 4]. Особенно активно изучается литературная антропонимика. Долгое время она интересовала исследователей как прикладная дисциплина, востребованная, по замечанию С.И. Зинина, при публикации различных комментариев к художественным текстам, при составлении словарей имен собственных к художественным произведениям [Зинин 1980: 83-89]. Однако проблема изучения имени собственного в художественном тексте актуализировалась и стала пониматься шире и глубже указанных прикладных задач [Васильева 2009: 5].

Антропонимы являются обязательным элементом формы художественного произведения, одним из средств, создающих художественный образ, а так же определяющих стиль писателя. В художественном произведении имена, их форма не бывают произвольными, и их функция не сводится к простой номинации. Они могут нести ярко выраженную смысловую нагрузку, обладать скрытым ассоциативным фоном, иметь особый звуковой облик; имена способны передавать национальный и местный колорит, отражать историческую эпоху, к которой относится действие произведения, обладать социальной характеристикой.

Уже при первом знакомстве с романами Д.Н. Мамина-Сибиряка обращает на себя внимание достаточно широкий круг действующих лиц и повышенная семантическая значимость их имен, отчеств и фамилий.

Необходимость систематизации антропонимов в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка диктуется тем, что они, являясь важнейшей частью состава произведения и активным элементом изобразительности, помогают не только определить приемы авторских характеристик, но и раскрыть специфику поэтического языка Мамина-Сибиряка.

В настоящее время тема имен персонажей писателя как системы не изучена в достаточном объеме, но важность литературных антропонимов с разных точек зрения отмечается у ряда исследователей творчества уральского писателя. Так, например, Л.С. Соболева говорит о функции родовых традиций в текстах Мамина-Сибиряка как источников образов, мотивов, личностных и социальных конфликтов [Соболева 2013], а также рассматривает семантику имени как реализацию народных представлений природной стихии [Соболева 2015]; на значимость антропонима в поэтике пространства, в том числе обращает внимание Л.Г. Девятайкина [Девятайкина 2008]; А.В. Мельникова исследует женские образы и предлагает их типологию [Мельникова 2013]; прозвище, как один из компонентов фольклоризма произведений писателя, исследовано О.С. Коноплевой [Коноплева 2005].

Творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка, в частности анализируемые нами романы уральского цикла, характеризуются тем, что в центре внимания автора находятся не отдельно взятые личности, а крупнейшие исторические движения в общественной жизни; их влияние на человека как род/ семья; капиталистические отношения, власть золота, стремления к богатой лучшей жизни и противостояние всему этому человека, как духовной личности, в первую очередь. В этом плане особенно показателен такой важный для творчества Мамина-Сибиряка аспект, как «русский характер», который часто проступает в портретных зарисовках героев и размышлениях автора о судьбе русского человека, которые выясняются в результате комплексного анализа имен персонажей.

В данной работе представляем несколько составленных нами классификаций антропонимов в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Первая классификация – по участию в развитии сюжета. Сюда относятся две группы имен – главные и второстепенные (эпизодические). Критерием разграничения помимо контекста является частотность их употребления. Соответственно, имена главных персонажей романов в совершенно различных формах (Родион Потапыч Зыков – Родька – «приисковый дедушка» – старый

штейгер – старик Зыков; Петр Елисеич – Мухин – француз – бусурман; Гликерия Витальевна – Луша – Лукерка – *mademoiselle* Луша) являются главными сюжетными именами, второстепенные же сохраняют свою форму употребления на протяжении всего повествования (волостной сторож Вахрушка, палач Никитушка, башкир Ахметка, горничная Афанасья).

Вторая классификация – по структурной организации антропонимов: однословные, двусловные и трехсловные модели имянаречения. Однословные именованья выражены следующими типами:

а) личные именованья. Этот тип наиболее распространен вследствие вариативности имен, например: Алена (Евстратьевна) – Аленка, Федосья (Ниловна) – Феня, Алексей (Пазухин) – Алешка, Аграфена (Гущина) – Грунюшка. Чаще всего такой тип именованья встречается при введении в художественный текст второстепенных персонажей в сопровождении слов, указывающих на их принадлежность, род деятельности: стряпка Домнушка, кучер Семка, туляк Афонька. Кроме того, среди этого типа именованья наблюдаются детские имена и имена младшего поколения той или иной семьи: Устенька (Луковникова), Милочка (Колобова), Нюрочка (Мухина), Ариша и Дуня (невестки Брагины). Такие сокращенные и уменьшительные варианты именованья выполняют социально-различительную функцию: определяют наличие близости, симпатии, или же, наоборот, пренебрежения, а так же представляют собой один из компонентов образа персонажей, подчеркивая те или иные черты, дополняя общую «картину» героя.

б) фамильные именованья. Такой тип именованья часто встречается в повествовании при введении новых персонажей (исправник Чермаченко, управитель Чебаков, «Загнеткин служил исправным корреспондентом», «заодно с ним орудуют Вершинин и Майзель», «настроены против Сахарова в особенности» [Мамин-Сибиряк 2012: 11, 13]), или же после упоминания автором после полного имени героя. Так, например, Петр Елисеич Мухин в дальнейшем упоминается как Мухин, Борис Яковлич Ечкин становится просто

Ечкиным, Андрон Евстратыч Кишкин – Кишкиным, или как его прозвали – Шишкой.

в) прозвищные именованья. Подобный тип имянаречения, когда наряду с традиционными именами сохраняются прозвища и отчества как самостоятельные личные имена характерен для Мамина-Сибиряка. Необходимо учитывать, что чаще всего герои его произведений – это представители горнозаводского населения: уральские заводчики и рабочие, золотоискатели, сплавщики, охотники, старообрядцы. Этот факт обуславливает характер прозвищ персонажей. Например, Пестерь – персонаж романа «Дикое счастье», самобытное имя которого означает прозвище человека, данное по роду деятельности – изготовляющего пестери; исходя из этого можно лишь предположить, что он занимался таким ремеслом до открытия приисков вокруг деревни. Нередко Мамин-Сибиряк сам указывает народное прозвище персонажа при появлении его в тексте романа: «Евлампия Харитоновна, или, по-домашнему, «полуштофова жена»; «запольский богач Евграф Огибенин...другие называли Огибенина просто «Еграшкой модником»; «степной богатырь Сашка Горохов...получивший кличку «луженого брюха» [Мамин-Сибиряк 2012: 50, 54, 55], «старый коморник, по прозвищу Слепень» [Мамин-Сибиряк 2012: 20]. Таким образом, имена-прозвища возникают из потребностей быта, отражают историко-этнографические, территориальные особенности; в них усиливается оценочный элемент, позволяющий не столько прямо охарактеризовать героя, сколько дать ему социальную оценку.

Двусловные модели имянаречения представлены в основном двумя комбинациями: сочетанием имени и отчества, сочетанием имени и фамилии. Подобные сочетания наблюдаются в номинации всех действующих лиц, наделенных фамилией, именем и отчеством. Во всех случаях, когда герой был назван трехсловным именем, появляется и двусловный вариант именованья. Необходимо отметить различия в употреблении «ты-формы» и «вы-формы» в сочетании имени и отчества. Такое разделение рассмотрено В.П. Берковым, где исследователь указывает общепринятые условия использования в речи этих

форм [Берков 2005]. В частности, официальность отношений в применении «вы-формы» и уравнивающий смысл «ты-формулы». У Мамина-Сибиряка сфера употребления этих форм шире. Например, высказанная Порфиром Порфирычем Шаболыным фраза «Садись, Гордей Евстратыч» [Мамин-Сибиряк 2014: 87] и дальнейшее общение с одной стороны на «вы», а с другой – на «ты» указывает на превосходство Шаболына, его более выгодное положение. Или же в беседе между генералом Блиновым и Ниной Леонтьевной изначально употреблявшаяся «ты-форма» сменяется на «вы-форму» в речи Нины, передавая ее недовольство ситуацией и указывает на дистанцирование персонажа: «- Ты забываешь, Нина, как к этому отнесется Прейн...- О, это не ваша забота, Мирон Геннадич» [Мамин-Сибиряк 2012: 116].

Трехсловные именованья представлены в небольшом количестве. Это объясняется тем, что действие в произведении развивается вокруг ограниченного числа лиц – центральных персонажей, образам которых уделяется значительная часть внимания писателя («Из разбогатевших подрядчиков СамойлоЕвтихыч Груздев на Мурмосских заводах представлял своею особой громадную силу» [Мамин-Сибиряк 2012: 33], «письмо было из Петербурга, от Прохора СазонычаЗагнеткина, главного бухгалтера при петербургской конторе», «Гуго Альбертович Могула-Братковский, к вашим услугам» [Мамин-Сибиряк 2012: 9, 92], «Ведь вы хорошо знаете БолеславаБрониславичаСтабровского?» [Мамин-Сибиряк 2012: 128]. Редкость употребления такой модели именаречения обоснована ее малоупотребительностью в живой разговорной речи и художественном тексте.

Третья классификация – по семантическим группам. Как уже отмечалось выше, произведения Д.Н. Мамина-Сибиряка отличаются многогеройностью и такое разнообразие персонажей можно распределить по следующим группам: 1) христианские имена – самая обширная группа, включающая в себя имена и отчества греческого, латинского или древнееврейского происхождения: Анна, Михаил, Архип, Гордей, Елисей, Петр и др. Все анализируемые имена

рассматриваются не только с точки зрения реализации этимологического значения, но и христианского.

2) иностранные имена – для творчества Мамина-Сибиряка характерно противопоставление русского и иноязычного характера, что обосновывает немногочисленную группу образов, наделенных именами, не свойственными для русского именника: Болеслав, Бронислав, Дудль, Карл, Чарльз, Шахма и др.

3) исторические имена – группа имен, характеризующихся ассоциативностью, особенно проявляющейся в создании образов героев, имеющих прототипов. Таковым, например, является Май-Стабровский, прототипом которого стал А.Ф. Козелл-Поклевский, чья деятельность оказала влияние на становление промышленности Зауралья.

4) прозвища – к этой группе имен персонажей относятся собственно прозвища, имена-прозвища (когда личное имя уходит, а в употреблении остается лишь отчество или слово, заменяющее имя): Шишка, Кайло, Морок, Марзак, Беспалый, Окулко.

5) двуименные варианты – к этой группе относятся персонажи, имена которых изменяются в процессе повествования: Станислав Раймундович Карачунский становится Сепаном Романычем, Аграфена Гущина – Ефимом, а затем Аглаидой.

6) аллюзивные имена – немногочисленная группа имен, которые выступают в качестве номинаций-метафор: «подозрение да не коснется жены Цезаря» – о Раисе Павловне, «нечестивый Ахав» – об Илье Фирсыче Полуянове.

7) говорящие имена – группа представлена в большей степени фамилиями, значение которых носит ассоциативный характер: Прозоров, Горемыкин, Лаптев.

Таким образом, подводя итоги исследования, отмечаем, что в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка воплощена система традиционного, русского именословия. Имена собственные каждого произведения в своей совокупности представляют цельную антропонимическую систему, играющую

важную роль в реализации идейно-художественного замысла. Кроме того, внутренняя форма антропонима в художественном тексте оказывается эстетически значимой. Этимология имен персонажей произведений Мамина-Сибиряка не всегда содержит прямые указания на внешние или внутренние черты их носителей, тем самым опосредованно нацеливает на общую направленность образа. Стилистические и экспрессивные коннотации онимы получают в процессе функционирования в тексте.

Системный подход к изучению антропонимии произведений Мамина-Сибиряка дает возможность обозначить знание писателем русской антропонимии, умение раскрыть с помощью имени персонажа богатство и экспрессивность русских имен. Разные группы антропонимов, в свою очередь, участвуют в раскрытии авторского замысла, выполняют значимые функции, являются отображением индивидуально-авторского стиля.

Литература

Берков В. П. Русские имена, отчества и фамилии. Правила употребления: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2005. 71 с.

Васильева С. П., Ворошилова Е. В. Литературная ономастика: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2009. С. 5.

Вышенская Ю. П. Социо-культурные и стилистические коннотации личного имени собственного (на материале произведений «артуровской» литературы): дисс. ...канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2001. С. 4.

Девятайкина Л. Г. Топонимический код в художественном пространстве произведений Д.Н. Мамина-Сибиряка // Филология и человек. Барнаул, 2008. № 4. С.82-87.

Зинин С. И. Из истории лексикографирования собственных имен художественной литературы // Сборник научных трудов Ташкентского ун-та. Ташкент, 1980. Вып. 629. С. 83-89.

Зырянов О. В. Задачи познания Д.Н. Мамина-Сибиряка и перспективы литературной регионалистики // Творческое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ.ред. О.В. Зырянова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2013. С. 14-24.

Коноплева О. С. Фольклоризм «Уральских рассказов» Д.Н. Мамина-Сибиряка. Автореферат дисс. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 25с.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Горное гнездо // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Горное гнездо: Роман; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. С. 5-322.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Золото // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4: Золото: Роман; Повести. Рассказы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. С. 5-292.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Три конца // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Три конца: Уральская летопись; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. С. 5-432.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Хлеб // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6: Хлеб: Роман; Рассказы и сказки для детей. М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. С. 5-440.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Дикое счастье: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 320 с.

Мельникова А. В. Типология женских образов в малой прозе 1880-х гг. // Творческое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ.ред. О.В. Зырянова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2013. –С. 74-82.

Соболева Л. С. Полярная аксиология родового мира // Творческое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ.ред. О.В. Зырянова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2013. С. 82-95.

Соболева Л. С. Природные стихии в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» (ElementsofnatureinD.N.Mamin-Sibiryak'snovelBREAD) // QuaestioRossica, 2015. С. 52-70. DOI 10.15826/qr.2015.2.095

Щенникова Л. П. Урал и Россия в романах Д. Н. Мамина-Сибиряка[Электронный ресурс]. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/19458/1/fu9-1986-11.pdf> (дата обращения 18.04.2015)

Колосова А. Д., Екатеринбург
(науч. рук. – Семухина И. А.)

«...Не свадьба это была, а похороны»: элементы погребальной обрядности в повести Н. С. Лескова «Житие одной бабы»

Kolosova A. D.

"...It was not a wedding, but a funeral": Elements of Funeral Rites in N. S. Leskov's "Life of One Woman"

В статье рассматривается глубинное сходство обрядовой ситуации свадебного и погребального действ, которое обуславливает близость их образно-мотивных планов. Предлагается самостоятельный анализ образов и мотивов погребальной обрядности, заложенных в подтексте повести Н. С. Лескова «Житие одной бабы», особенно в эпизодах описания свадьбы. Особое внимание обращается на детали портрета героини (уподобление покойнику), этапы обряда (обряжание невесты / обряжание покойника, венчание / отпевание и т.п.), пространственные образы (порог, кибитка-гроб, яма-могила), лейтмотив смерти, холода и др. Отмечается взаимосвязь фольклорной и агиографической традиций в повести Лескова, необходимых для воплощения как судьбы страдающей и погибающей героини, так и проблемы столкновения народной нравственности с бездуховным обществом.